

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1831–1834] // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 3. С. 65–96 (4-я пагин.). (Продолжение.)

— 65 —

реєвъ въ Петербургѣ, настоятель Владимірской церкви в 1831 г. благочинный; его младшій братъ Доаласіи поступилъ вмѣстѣ со мною въ училище и на первомъ же году умеръ.

Въ Кохмѣ, пока я учился въ училищѣ и семинаріи, мнѣ случалось очень часто бывать въ каникулярное время.

Въ 1832 году, незадолго до перехода нашего въ высшее отдѣленіе, у насъ произошла перемѣна одного учителя. Инспекторъ и учитель греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, священникъ П. А. Субботинъ, не знаю почему, оставилъ въ 1832 году училищную службу; его мѣсто занялъ нашъ учитель греческаго языка священникъ П. П. Пѣвницкій; на мѣсто Пѣвницкаго къ намъ перевели учителя 2-го класса В. А. Осовецкаго, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ былъ студентъ семинаріи Ив. Петр. Вѣнецкій.

1831-й годъ былъ годъ неурожайный; въ слѣдствіе сего цѣна на хлѣбъ съ пятацтыннаго возрасла до полтинника (1 р. 75 к.) — цѣна не бывала. Многіе изъ учениковъ, особенно дѣти причетниковъ, бѣдствовали и едва не претерпѣвали голодъ. На помощь этому бѣдствію явился одинъ изъ богатыхъ Шуѣскихъ купецъ въ (онъ, кажется, скрылъ свое имя). Онъ открылъ бѣднымъ ученикамъ даровой доступъ въ одну мучную лавку, изъ которой, по запискамъ отъ инспектора училища, выдавали каждому по пуду, помнится на мѣсяцъ или на два, а инымъ, болѣе надежнымъ ученикамъ, вмѣсто муки, выдавали деньгами; помню, я получилъ отъ инспектора серебряный полтинникъ.

Кстати о благотворительности Шуѣскаго купечества.

Иногда изъ богатыхъ Шуѣскихъ купцевъ имѣли добрый обычай еженедѣльно, въ извѣстные дни, преимущественно воскресные, раздавать нищимъ милостыню деньгами или разными вещественными предметами. Это происходило такимъ образомъ. Въ извѣстный часъ, всѣхъ собравшихся къ дому того или другаго богача, впускали на дворъ и запирали ворота. За тѣмъ выходилъ самъ хозяинъ или прикащикъ и становился у калитки съ деньгами или вещами, въ родѣ, наприм., валяныхъ сапоговъ (въ зимнее время), шерстяныхъ чулокъ и варежекъ. Нищія поочередно подходили къ раздающему и получивъ такую или иную милостыню, выходили со двора въ калитку; и эта раздача, смотря по количеству нищихъ, продолжалась иногда по нѣсколько

1831. г часовъ. Василій Максимычъ Киселевъ часто самъ раздавалъ милостыню, и всегда денежную; и такъ какъ онъ характера былъ довольно грубаго и суроваго, то дать, бывало, нищему въ руку пятакъ и въ затылокъ толчекъ. Между нищими бывали и бѣдные ученики духовнаго училища. Но для этихъ послѣднихъ существовала въ Шуѣ особаго рода благотворительность. Нѣкоторые благочестивые купцы устраивали для нихъ разъ въ годъ, въ опредѣленные или неопредѣленные дни, обѣды изъ трехъ или четырехъ блюдъ. Не далеко отъ училища жилъ купецъ П. А. Волковъ; у него каждый годъ, вскорѣ послѣ Пасхи, устраивался для всѣхъ учениковъ на широкомъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ, обѣдъ. Необходимую принадлежность этого обѣда было то, чтобы какъ пречъ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда ученики громогласно пѣли извѣстныя церковныя пѣснопѣнія. Въ заключеніе обѣда каждому ученику давалось въ руки по пятаку мѣди. Однажды мы обѣдали въ домѣ (это было зимой) купца Корнилова; но тамъ послѣ обѣда, вмѣсто денегъ, намъ раздали по нѣскольку аршинъ полосатой затрапезной матеріи для халатовъ. А одивъ подгородный помѣщикъ (изъ чиновниковъ) Пв. Арт. Соколовъ послѣ обѣда награждалъ насъ синею писчею бумагою и гусиными перьями (о стальныхъ перьяхъ тогда и въ поминѣ еще не было).

Скажу здѣсь о себѣ нѣчто не доброе. Между товарищами моими по школѣ, какъ старшими, такъ и младшими даже, было не мало курящихъ и особенно нюхающихъ табакъ. Примѣръ обыкновенно заразителенъ. У меня не было расположенія къ куренію табака; самый запахъ его возбуждалъ во мнѣ отвращеніе: по къ нюханію табака добрые товарищи стали было меня пріучать; не помню, кто-то подарилъ мнѣ даже табакерку съ табакомъ. Прошло не болѣе, я думаю, недѣли или двѣ, какъ объ этомъ повѣдала моя добрая и радѣтельная обо мнѣ хозяйка Александра Ивановна. Вѣроятно, она имѣла обыкновеніе по ночамъ осматривать наши карманы въ жилетахъ, чтобы видѣть, не скрывается ли въ нихъ чего-нибудь подозрительнаго. Идешши при этихъ поискахъ въ моемъ карманѣ табакерку, она взяла ее, и на другой день, когда я всталъ съ постели, она, показывая мнѣ табакерку, держала ко мнѣ та-

кую грозную рѣчь: „что это такое у тебя завелось, — что это ты вздумалъ дѣлать?—Вотъ пріѣдетъ во вторникъ твой крестный. вотъ я ему покажу это: онъ дастъ тебѣ нюхать табакъ“.

Этотъ упрекъ доброй Александры Ивановны и эта угроза жалобою на меня дядѣ и крестному такъ сильно подѣйствовали на меня, что я рѣшительно пересталъ нюхать табакъ и никогда болѣе не начиналъ.

Александра Ивановна знала, чѣмъ пригрозить мнѣ. Дѣйствительно, я никого такъ не боялся, какъ своего дяди и отца крестнаго Петра Иваныча, хотя онъ ни разу пальцемъ до меня не дотрогивался. Онъ имѣлъ на меня какое-то особенное нравственное вліяніе. Табаку онъ терпѣть не могъ, хотя его сынъ, окончившій въ это время курсъ семинаріи, тайкомъ позволялъ себѣ это удовольствіе.

Скажу здѣсь мимоходомъ и о томъ, зачѣмъ по вторникамъ ѣздилъ въ Шую мой почтенный дядюшка. Въ Шуѣ по вторникамъ, какъ уже было замѣчено выше, были ежедневныя базары, а мой дядюшка, какъ было также мною сказано, занимался торговлею. По этому онъ пріѣзжалъ почти каждый вторникъ въ городъ и производилъ торговлю оконными рамами и фонарями. Иногда и онъ заходилъ къ намъ на квартиру, а чаще я провоживалъ его на базарѣ. Иногда, бывало, приду къ нему: онъ пошлетъ меня на рѣчку поить лошадь; или пойдетъ самъ, а меня оставитъ при своемъ товарѣ. Иногда давалъ онъ мнѣ за эти труды по мѣдному нятаку.

При счастливой памяти, мнѣ не много требовалось времени для приготовленія уроковъ къ классу; поэтому не мало оставалось у меня свободнаго времени. Чѣмъ же наполнялось это время? Частію чтеніемъ книгъ, большею частію, сказокъ, за неимѣніемъ другихъ, лучшихъ произведеній литературы, частію списываніемъ стиховъ, пѣсень и другихъ статей. У меня до сихъ поръ сохранилась тетрадь въ три съ половиною листа синей бумаги, вѣроятно, полученной мною отъ помянутаго выше помѣщика Соколова. На этой тетради очень тщательно переписанъ мною—„Catalogus vocabulorum usitatorum vernacule redditorum, т. е. списокъ словъ употребительнѣйшихъ съ російскимъ переводомъ“.

Этотъ списокъ раздѣленъ на 25 главъ.

1831 г.

Въ первой главѣ содержатся слова (vocabulary) „о Божествѣ и до закона касающихся вещей“; во второй — „о вселенной, частяхъ свѣта и вѣтрахъ“ и т. д. Въ послѣдней главѣ — „о числительныхъ именахъ“. Подлинникъ, съ котораго я списывалъ, большею частію, по ночамъ, когда все ложились спать, — принадлежалъ товарищу моему Александру Минервину, сыну помянутаго выше соборнаго священника, о. Петра Яковлевскаго.

Приближалось время перехода въ высшее отдѣленіе. Разныя тетрадки и записки по учебнымъ предметамъ низшаго отдѣленія, тщательно мною веденныя, оказывались болѣе не нужными для меня. Зная объ этомъ, жена инспектора, Авдотья Ивановна пожелала приобрести отъ меня эти записки для своего сына Павла Пѣвницкаго, который шелъ ниже меня курсомъ. Я не могъ, конечно, отказать въ требованіи своей начальницѣ. Она взяла мои записки и заплатила за нихъ 50 копѣекъ серебромъ.

Около 1832 года дядя мой — Петръ Ивановичъ выстроилъ новый деревянный домъ на мѣстѣ своего стараго и моего, проданнаго, дома. Домъ довольно просторный и очень красивый съ двумя комнатами — залою и гостиной впереди и, чрезъ корридоръ, съ кухнею назади, а на верху мезонинъ съ окнами, обращенными къ рѣкѣ и къ селу Дунилову. Иѣтомъ я очень любилъ уединяться въ этотъ мезонинъ для наслажденія красивыми видами природы и для чтенія какой-нибудь книжки. Чтеніемъ книгъ на глазахъ у тетки Татьяны Ивановны я не могъ заниматься спокойно: какъ неграмотная и не понимавшая ни пользы, ни удовольствія отъ чтенія книгъ, она почти съ отвращеніемъ смотрѣла на мои книжныя запятія, хотя, въ зимніе вечера, подъ воскресные и праздничные дни, когда дядя заставлялъ меня вслухъ читать Четин-миней святаго Дмитрія Ростовскаго, не безъ удовольствія слушала мое чтеніе и она.

17-го іюня, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, скончался Горницкій священникъ, о. Матвѣй. Кончина этого почтеннаго старца сопровождалась особенными обстоятельствами. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ ежегодно совершался и, безъ сомнѣнія, донынѣ совершается изъ Покровской церкви, вокругъ Дунилова, крестный ходъ, въ которомъ участвуетъ обыкновенно все Дуниловское и Горницкое духовенство. О. Мат-

вѣи совершилъ въ своей приходской церкви литургію и, 1832 г
неразоблачаясь, отправился съ иконами въ Дунилово для
участія въ крестномъ ходѣ. Дошедши до Крестовоздвижен-
ской церкви, которая находится въ срединѣ села, и куда
собралось духовенство съ иконами изъ прочихъ церквей,
о. Матвѣй, чувствуя, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ (ему
было около 70-ти лѣтъ, если не больше) утомленіе, остался
въ этой церкви, а прочіе отправились въ ходъ. Когда
крестный ходъ возвратился къ Крестовоздвиженской церкви,
о. Матвѣй, вышелъ на площадь предъ храмомъ и, какъ
старшій между священниками, долженъ былъ читать Еван-
геліе на молебнѣ въ честь св. Николая. Лишь только онъ
произнесъ послѣднія слова Евангелія: „да будетъ едино
стадо и единъ пастырь“, какъ упалъ на землю и предалъ
Богу душу. Не трудно представить, какое впечатлѣніе
произведено было на духовенство и молящійся народъ этимъ
внезапнымъ происшествіемъ. Поднятое съ земли тѣло честно
перенесено было въ домъ и за тѣмъ, по совершеніи въ
свое время чина погребенія, предано землѣ въ томъ самомъ
облаченіи, въ какомъ блаженно почившій совершалъ по-
слѣднюю Божественную литургію въ храмѣ. О. Матвѣй
своимъ благолѣпнымъ служеніемъ, своимъ честнымъ пове-
деніемъ, своимъ благодушіемъ и кроткимъ обращеніемъ съ
прихожанами надолго оставилъ по себѣ въ ихъ сердцахъ
самую лучшую, признательную память.

Я не былъ очевидцемъ поразительной кончины досточти-
маго о. Матвѣя; я былъ въ это время въ Шуѣ; но мнѣ
въ тотъ же день сдѣлались извѣстными обстоятельства его
кончины изъ устъ моей тетки Татьяны Ивановны, пріѣхав-
шей въ Шую для закупки провизіи и напитковъ на поми-
новенную трапезу.

Мѣсто о. Матвѣя занялъ его зять, извѣстный о. Василій
Сапоровскій.

Въ сентябрѣ 1832 г. я былъ уже ученикомъ высшаго
отдѣленія и назпаченъ былъ цензоромъ класса и квартир-
нымъ старшимъ. Обязанность цензора состояла въ наблю-
деніи за порядкомъ въ классѣ, а должность старшаго за-
ключалась въ посѣщеніи ученическихъ квартиръ съ цѣлію
наблюденія за благоповеденіемъ учениковъ и исправнымъ
приготовленіемъ заданныхъ уроковъ, — о чемъ и дѣлались

1832 г. старшим отмѣтки въ квартирномъ журналѣ; въ случаѣ же какихъ либо важныхъ безпорядковъ, старшій обязанъ былъ доносить о нихъ инспектору немедленно.

Къ прежнимъ учебнымъ предметамъ въ высшемъ отдѣленіи присоединились новые, какъ-то: священная исторія и географія. Кѣмъ была составлена исторія, не знаю; но географія была К. Арсеньева. Она съ нашего курса замѣнила прежнюю, неизвѣстно кѣмъ составленную. Для переводовъ съ латинскаго языка на русскій былъ у насъ Корнелій Непотъ, а съ греческаго та же хрестоматія Каченовскаго. Въ часы послѣ-обѣденные мы упражнялись обыкновенно въ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій языкъ, и только одинъ классъ назначенъ былъ для потнаго пѣнія.

Латинскій языкъ, катихизисъ и свящ. исторію преподавалъ намъ смотритель Василій Яковлевичъ Цвѣтковъ, а греческій языкъ и прочіе предметы инспекторъ П. П. Пѣвницкій.

Должно сказать по правдѣ, что преподаваніе у насъ, въ высшемъ отдѣленіи, шло очень неудовлетворительно. Да иначе и быть не могло: поелику оба наши преподаватели были вмѣстѣ съ тѣмъ и приходскими священниками при Воскресенскомъ соборѣ; а о. Цвѣтковъ, сверхъ того, отправлялъ службу и исполнялъ требы и за своего дѣда по женѣ, престарѣлаго протоіерея Никитскаго. Слѣдствіемъ сего было то, что смотритель или во все не приходилъ въ классъ, или приходилъ на самое короткое время. Инспекторъ чаще являлся къ намъ, но не всегда въ должномъ видѣ; особенно въ послѣобѣденные часы онъ приходилъ иногда въ классъ прямо изъ-за обильной трапезы въ домѣ какого-либо богатаго кунца въ сильно-возбужденномъ состояніи, и въ этихъ случаяхъ онъ былъ для насъ особенно страшенъ: за малѣйшій проступокъ, или ошибку въ письменной задачѣ онъ подвергалъ насъ сильнымъ истязаніямъ.

Я сказалъ, что смотритель В. Я. Цвѣтковъ почти все не ходилъ въ классъ: чѣмъ же, спрашивается, занимались въ его отсутствіе ученики?—Кулачными боями, или игрою въ карты. Но однажды вотъ что случилось. Нѣкоторые ученики, сидѣвшіе около двери, близъ которой было окно въ корридоръ, играли по обычаю въ карты. Смотритель, ко-

торого на этотъ разъ не ожидали въ классѣ, поднимается по лѣстницѣ и въ корридорное окно видитъ у учениковъ въ рукахъ карты. Быстро вошедши въ классъ, спрашиваетъ: кто игралъ въ карты? Но ученики, успѣвши бросить карты въ небольшое отверстію у печи, спокойно отвѣчаютъ: никто не игралъ. Какъ ни былъ добръ и благодушенъ почтенный Василій Яковлевичъ, но онъ сильно раздраженъ былъ явнымъ заpirationствомъ учениковъ. Началь было онъ обыскивать учениковъ, но ничего не нашель. Что дѣлать? Послалъ за инспекторомъ и когда тотъ пришелъ, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Инспекторъ началъ было съ того же, что тщетно испыталъ уже смотритель, т. е. обыскалъ всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, и ничего не нашель. Въ сильной досадѣ озираясь кругомъ, обратилъ вниманіе на отверстіе у печи. Запустивши туда руку, вынимаетъ карты и громогласно, подобно Архимеду, кричитъ: *εβρηξα, εβρηξα* (нашелъ, нашелъ)! Кто, спрашиваетъ, игралъ въ карты? По-елику виноватымъ никто себя не призналъ, то рѣшено было на другой день всѣхъ пересѣчь розгами. Но я избѣжалъ этой казни. Когда она производилась, я былъ въ это время у смотрителя и занимался перепискою какихъ-то бумагъ (я у него служилъ вмѣсто письмоводителя). Вспомнивши о производящейся въ классѣ экзекуці, добрѣйшій Василій Яковлевичъ говоритъ мнѣ: „что Тихомировъ,—счастливъ, что теперь сидишь здѣсь, а то и тебѣ бы не миновать розогъ“.

Но при другомъ, еще болѣе важномъ случаѣ, пришлось и мнѣ на ряду съ другими подвергнуться наказанію. Разъ смотритель прислалъ къ намъ въ классъ, вмѣсто себя, учителя 1-го класса (забылъ его фамилію). Ученики шумятъ и не слушаютъ учителя. Учитель, разсердившись, говоритъ наконецъ: „если не перестанете шумѣть, я уйду изъ класса“.

Кто-то изъ учениковъ довольно громко сказалъ: „и хорошо сдѣлаете“. Учитель ушелъ и принесъ смотрителю жалобу. Разбирательство этой жалобы опять поручено было инспектору; и какъ виновнаго разыскать не могли, то опять присудили всѣхъ къ наказанію, начиная съ меня, какъ цензора класса. Но это было первое и послѣднее наказаніе розгами, какое я испыталъ въ продолженіи семилѣтняго ученія въ школѣ. Угрожало мнѣ еще разъ подобное наказаніе: но, по счастью, угроза эта не была приведена въ исполненіе. Это

1832 г. было такъ. На мнѣ, какъ на квартирномъ старшемъ, лежала обязанность, сколько можно, чаще посѣщать квартиры. Но въ темные осенніе и зимніе вечера ходить одному, по грязнымъ или занесеннымъ снѣгомъ улицамъ и переулкамъ было весьма неудобно и небезопасно, по крайней мѣрѣ, отъ нападенія злыхъ собакъ; а при томъ жаль было напрасно и безплодно терять время. Между тѣмъ, каждый разъ старшій долженъ своеручно отмѣтить въ квартирной тетради, когда онъ былъ и все ли пашель въ порядкѣ. Затрудняясь, съ одной стороны, часто посѣщать квартиры, а съ другой, не желая показаться въ глазахъ начальства неисправнымъ, я дѣлалъ иногда такъ, что пришедши на ту или другую квартиру, расписывался въ тетради за нѣсколько дней въ разъ. Однажды, въ воскресенье вечеромъ, пришелъ я на квартиру въ домъ соборнаго діакона Кедрова и началъ дѣлать по обычаю росписки, какъ вдругъ входитъ грозный инспекторъ и застаётъ меня на мѣстѣ преступленія. Пришедши въ ярость, онъ тутъ же выдралъ меня за волосы и пригрозилъ на завтрашній день жестоко наказать розгами. Но, побывавши за тѣмъ у гостепріимнаго хозяина дома, и вѣроятно, выпивши лишнюю чару усыпительнаго пектара, забылъ о моей виновности, и я остался безъ наказанія.

У смотрителя Цвѣткова было въ недѣлю два послѣ-обѣденныхъ класса, когда онъ долженъ былъ давать намъ письменныя упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. На этихъ классахъ онъ никогда почти не бывалъ: но дѣло ограничивалось только тѣмъ, что онъ приказывалъ мнѣ каждый разъ приходить предъ классомъ къ нему на томъ, и онъ послѣ своего, разумѣется, сытнаго обѣда, сидеть, бывало, въ халатѣ, по турецки, т. е. поджавши ножки, на диванѣ и пачнетъ мнѣ диктовать по латинской книгѣ (большою частію Лактанція) русскій переводъ; пока я пишу сказанныя имъ слова, онъ уснѣтъ уже задремать и мнѣ нужно было его каждый разъ пробуждать. Но пока онъ дремлетъ, я чрезъ столъ смотрю въ раскрытую предъ нимъ книгу и на память заучиваю латинскій текстъ. Писавши, съ большими промежутками времени, задачу, я отправлялся въ классъ и диктовалъ се своимъ товарищамъ. Послѣ того, какъ я заучилъ на память латинскій текстъ,

перевести данную задачу съ русскаго языка на латинскій 1832
для меня ничего уже не стоило. И между тѣмъ, какъ у
товарищей моихъ задача была переведена съ большимъ или
меньшимъ числомъ ошибокъ, моя задача всегда была без-
ошибочна.

Нѣчто подобное было и съ греческими упражненіями.
Инспекторъ извлекалъ для насъ задачи изъ богословской
греческой хрестоматіи. У одного изъ моихъ товарищей ока-
залась эта книга. И вотъ, бывало, мы непременно отыщемъ
тѣ строки, которыя инспекторъ переводилъ на русскій языкъ
и потомъ съ русскаго языка заставлялъ васъ перелагать на
греческій. Съ помощію книги, намъ не трудно было дѣ-
лать этотъ переводъ. Инспекторъ удивлялся нашимъ успѣ-
хамъ и сначала не понималъ, откуда у насъ такая эллин-
ская премудрость. Наконецъ кто-то ему донесъ, что у насъ
въ рукахъ имѣется та самая книга, которою онъ пользо-
вался для своихъ задачъ. Книгу онъ отобралъ, и мы оста-
лись, какъ раки на мели.

Едва лишь я переступилъ порогъ высшаго отдѣленія учи-
лища, какъ удостоенъ былъ чести педагога и руководителя
для другихъ младшихъ меня. Пашъ новый мѣстный благо-
чинный, священникъ села Васильевскаго о. Григорій Виш-
няковъ, переведенный изъ Суздальскаго уѣзда на мѣсто
протоіерея В. П. Смирнова, перемѣщеннаго къ Шуйской
Крестовоздвиженской церкви,—привезъ въ Шую учиться
своего сына Симеона. Незнакомый еще ни съ кѣмъ въ
городѣ, онъ обратился къ смотрителю съ просьбой указать
ему лучшее квартиру и благонадежнаго ученика, которому
бы онъ могъ поручить своего сына. Смотритель не могъ
указать о. Вишнякову лучшей квартиры, какъ пашу и,
видно, не нашелъ болѣе надежнаго ученика—руководителя
для его сына, кромѣ меня. Итакъ о. благочинный, очень
видный собою и солидный, является къ намъ на квартиру,
просить Александру Ивановну принять на свое попеченіе его
сына, а меня убѣждаетъ быть для него руководителемъ, по
указанію о. смотрителя. Я убоился такой чести и не охотно
принималъ на себя обязанность педагога, но, съ другой
стороны, не смѣлъ и отказать въ настойчивомъ требованіи
о. благочиннаго. Питомецъ мой оказался мальчикъ добрый
и способный. Почтенный отецъ его, пріѣзжая время отъ

1833 г. времени въ Шую, навѣдывался о немъ и, довольныйи моимъ надзоромъ, угощаль иногда меня сбитнемъ съ пирогами, которые привозилъ для сына изъ дому. Вслѣдствіи, мой питомецъ Семенъ Григорьевичъ Вишняковъ опередилъ меня. Когда я въ 1846 году пріѣхаль въ Московскую академію учиться, онъ переходилъ уже на старшій курсъ, и окончивши въ 1848 году курсъ академіи съ званіемъ магистра, опредѣленъ былъ на должность профессора въ Виѣанскую семинарію, а оттуда перешель въ Москву на священническое мѣсто, гдѣ и скончался въ санѣ протоіерея 5 іюня 1892 года.

Помянутый сейчасъ протоіерей В. П. Смирновъ, въ бытность свою нашимъ благочиннымъ, принялъ отъ покущица моего дома часть денегъ, именно 50 рублей и, вѣроятно, забылъ передать ихъ преемнику своему, о. Григорію Вишнякову. Дядя и опекунъ мой Петръ Ивановичъ, опасаясь, какъ бы деньги эти не пропали, пріѣхавши разъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Шую, купилъ штофъ французской водки на мой счетъ, и взявши меня, повель съ собою къ о. протоіерею Смирнову просить у него принадлежащія мнѣ деньги. Почтенный о. протоіерей, благосклонно принявши наше вяное приношеніе, немедленно выдалъ намъ подъ росписку деньги.

Осенью 1833 года пріѣхаль въ Шую, по случаю, кажется, закладки новой каменной церкви въ Спасскомъ приходѣ, ректоръ Владимірской семинаріи, архимандритъ Неофитъ. Само собою разумѣется, что онъ посѣтилъ и наше училище. Когда онъ вошелъ въ высшее отдѣленіе, ученики хоромъ пропѣли: „Salvamus“ (т. е. привѣтствуемъ). За тѣмъ я произнесъ латинскую рѣчь, сочиненную учителемъ низшаго отдѣленія, священникомъ И. П. Холуйскимъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ заключалась эта рѣчь:

„Non ita natura lactatur instante vere, quam maxima ob Tuum nobis jucundissimum adventum pectora nostra afficiuntur laetitia. Tunc enim temporis calor solis mortuas seminum radices resuscitat: nunc vero benevola Tua praesentia in animas nostras, quae se laturas esse nonnunquam fructus promittunt, vehementem impetum ad ulterius promovendas ac excolendas litteras inspirat. Wenias igitur, musarum Pro-

tector optime! venias, ut revivificentur corda nostra, quae 1833 г.
ad excipienda salutaria Tua instituta, semper prompta sunt“.

То есть: „Не столько радуется природа при наступленіи весны, сколько наши сердца восхищаются сильнѣйшимъ восторгомъ при Твоемъ пріятнѣйшемъ для насъ пришествіи. Ибо тамъ теплота солнечная оживотворяетъ помертвѣвшіе корни сѣмянъ: здѣсь благосклонное Твое присутствіе вдыхаетъ въ наши души, общающія принести нѣкогда плоды, сильное стремленіе къ продолженію и изученію наукъ. Гряди убо, благостнѣйшій Покровитель музъ, гряди, да наши сердца, всегда готовые къ принятію Твоихъ спасительныхъ наставленій, оживотворятся.“

Долго ли пробылъ въ нашемъ классѣ высокопочтенный посѣтитель и что онъ дѣлалъ, не помню; помню только, что онъ нанутствованъ былъ другою рѣчью—греческою, составленною инспекторомъ Пѣвницкимъ и произнесенною моимъ товарищемъ Иваномъ Аменицкимъ. Къ сожалѣнію, я не могу передать здѣсь содержаніе это рѣчи; но въ моей памяти сохранились только послѣднія слова оной: *φυτά γεώφυτα* (новонасажденные лѣторасли), удачно примѣненные къ имени посѣтителя: Неофитъ.

Въ 1833 году производилась, по распоряженію Правительства, народная перепись. Мнѣ поручено было смотрителемъ переписать ревизскую сказку для дѣдушки, соборнаго протоіерея А. П. Никитскаго. Когда я принесъ переписанную мною сказку и вручилъ самому о. протоіерею, этотъ 87-ми-лѣтній ученѣйшій старецъ обласкалъ меня и вступилъ со мною въ разговоръ. О чемъ была рѣчь, я теперь уже не помню, но въ моей памяти врѣзались слѣдующія слова старца: „вотъ, Тихомировъ, какъ я учился въ Москвѣ: и въ академіи, и въ университетѣ я окончилъ курсъ первымъ студентомъ. Учись и ты такъ“.

Въ то же время смотритель о. Василій Цвѣтковъ поручалъ мнѣ переписать составленную имъ для его прихожанки, богатой купчихи Болотовой, ревизскую сказку; и когда я переписалъ, онъ велѣлъ мнѣ отнести ее къ Болотовой. За этотъ трудъ она дала мнѣ нѣсколько аршинъ ситца для сорочки.

Въ 1833 году я взятъ былъ въ пѣвческій хоръ купца Киселова и пѣлъ теноромъ, хотя голосъ у меня былъ не

1834 г. очень завидный. Эта новая профессія доставляла мнѣ нѣкоторыя выгоды: я получалъ и одежду и небольшое денежное жалованье; сверхъ того имѣлъ доступъ въ богатые кунеческіе дома, гдѣ видѣлъ всякаго рода роскошь, и слѣдовательно болѣе или менѣе изощрять свой эстетическій вкусъ. Но, съ другой стороны, не мало видѣлъ и худыхъ примѣровъ.

Въ началѣ 1834 года одинъ молодой, лѣтъ 15-ти еврей расположился принять христіанскую вѣру. Епархіальное начальство поручило нашему смотрителю, хорошо знавшему еврейскій языкъ, приготовить этого еврея и окрестить. О. смотритель, занимаясь съ евреемъ катихизическими беседами, мнѣ поручилъ научить его славянскому чтенію. Юноша—еврей, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, приходилъ къ намъ въ классъ и, саясь рядомъ со мною, читалъ подъ моимъ руководствомъ славянскую псалтирь. Въ день Благовѣщенія совершено было надъ нимъ торжественное крещеніе въ соборной церкви, и о. Василиемъ сказана была при этомъ случаѣ рѣчь, которую я переписывалъ на бѣло. Воспріемниками при крещеніи были богатые люди, которые доставили своему крестнику возможность заниматься торговыми дѣлами. Но я своего ученика послѣ крещенія не встрѣчалъ уже ни разу. Подобнаго событія въ Шуѣ я не только не видалъ прежде, но и не слыхалъ никогда.

Страстную и свѣтлую недѣлю, равно какъ и предшествовавшіе рождественскіе праздники, я проводилъ въ Шуѣ по обязанности пѣвчаго. Но я не испыталъ здѣсь въ эти великіе и торжественные праздники тѣхъ радостныхъ чувствъ, какія каждый разъ испытывалъ на своей родинѣ, въ своемъ родномъ храмѣ. На сырную недѣлю отпраплялся я на родину, тамъ провелъ и первую недѣлю поста. На это время намъ былъ данъ инспекторомъ урокъ, велѣно было перевести съ греческаго языка на русскій слово св. Іоанна Златоуста на память св. мученика Варлаама. Этимъ важнымъ дѣломъ я, помню, занимался на Пустынькѣ, у сестры Марьи Михайловны, въ тѣсной и холодной избѣ, гдѣ и куры бродили, куда по утру и корову вводили для доенія.... Для облегченія себя въ научно-филологическомъ трудѣ, я пользовался славянскимъ переводомъ того же слова, помѣщеннымъ въ Четвѣй-минси св. Димитрія Ростовскаго; а эту

книгу зять принесъ мнѣ изъ библіотеки Покровской Дуни- 1834 1
ловской церкви.

Вскорѣ послѣ св. недѣли послѣдовала кончина супруги нашего смотрителя, В. Я. Цвѣткова, Евлампіи Матвѣевны. Какъ теперь помню, меня заставили стоять въ церкви при гробѣ почившей и держать на рукахъ малютку сына ея— Владиміра.

Приближалось время окончанія училищнаго курса. Вдругъ межу нами распространяется слухъ о пріѣздѣ изъ Влади- міра какого-то ревизора, о чемъ прежде въ Шуѣ и поня- тія не имѣли. Наконецъ узнаемъ, что для производства ревизіи ѣдетъ инспекторъ семинаріи, магистръ, іеромонахъ Израиль. Смотритель Василій Яковлевичъ, получивъ извѣ- стіе о приближеніи къ городу ревизора, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу на парѣ отличныхъ лошадей купца Посылина, въ фаэтонѣ. И вотъ, чрезъ нѣсколько часовъ, мы видимъ изъ оконъ своей кваргіры ѣдущаго съ смотрителемъ гроз- наго ревизора. Ревизоръ остановился въ домѣ смотрителя.

На другой день ревизоръ, въ сопровожденіи смотрителя, пожаловалъ въ наше высшее отдѣленіе. Мы увидѣли предъ собою молодого іеромонаха съ магистерскимъ крестомъ на золотой цѣпочкѣ, невысокаго роста съ свѣтлорусыми воло- сами на головѣ и бородѣ, съ живыми глазами и громкимъ тенористымъ голосомъ. По прочтеніи молитвы и по пропѣ- тіи обычнаго въ то время: *Salutamus*, ревизоръ сѣлъ въ кресло, пригласивъ сѣсть и смотрителя, но учителей не удостоить этой чести: они стояли, прислонившись къ нар- тамъ. Съ чего начался устный экзаменъ, не помню; но помню, что въ тотъ же самый день, или на слѣдующій ревизоръ далъ намъ письменную задачу для перевода съ русскаго языка на латинскій, разсчитывая, разумѣется, по этому письменному опыту составить вѣрное понятіе о сте- пени нашихъ успѣховъ въ знаніи латинскаго языка. Но его расчетъ не могъ быть вѣренъ. Ревизоръ поручилъ учителю низшаго отдѣленія, священнику Я. П. Холуйскому принимать отъ насъ написанныя задачи, между тѣмъ самъ занимался производствомъ устныхъ испытаній. Я скорѣе прочихъ написалъ задачу и подалъ ее о. Холуйскому. Онъ, прочитавши мою задачу и увидѣвши, что она написана удовлетворительно, взялъ ее въ лѣвую руку и, стоя у

1834 г. парты лицомъ къ ревизору, поднялъ се нѣсколько выше своего лѣваго плеча и далъ знакъ нѣкоторымъ близъ сидѣвшимъ ученикамъ, чтобъ они смотрѣли въ мою тетрадь и сами списывали и товарищамъ передавали. Такимъ образомъ у всѣхъ почти учениковъ задача вышла весьма удовлетворительная. И эта хитрость о. Холуйскаго осталась незамѣченною ревизоромъ.

Сколько дней продолжались частныя испытанія, хорошо не помню: помню только, что ревизоръ послѣ обѣда, по причинѣ июльскихъ жаровъ, приходилъ къ намъ въ классъ не ранѣе 4-хъ часовъ и оставался часовъ до 8-ми.

Наконецъ назначенъ былъ день для публичнаго экзамена. Приготовленія къ этому торжественному дню были тѣ же самыя, какія мною описаны выше: но публики на этотъ разъ было больше, чѣмъ въ прежніе годы. На публичный экзаменъ прибылъ и старецъ—соборный протоіерей Никитскій, которому о. ревизоръ предоставилъ занять первенствующее мѣсто. Былъ на этомъ торжествѣ и одинъ изъ упомянутыхъ мною выше братьевъ Соловьевыхъ, студентъ Московской д. академіи Михаилъ Михайловичъ. Ему, не помню, кто—ревизоръ, или смотритель, предложилъ испытать меня въ знаніи греческаго языка, и онъ заставилъ меня переводить первые стихи изъ Евангелія отъ Іоанна. Важную особенность настоящаго публичнаго экзамена составляло то, что намъ, лучшимъ ученикамъ, вмѣсто прежнихъ похвальныхъ листовъ, дали въ награду книги. Я получилъ даже двѣ книги, съ подписью ревизора и смотрителя: Латино-русскій лексиконъ Целларія и еще какую-то книжку. Эта двойная награда мнѣ дана за успѣхи въ наукахъ и, можетъ быть, за безмездные труды по письмоводству. Съ ревизоромъ пріѣзжалъ въ Шую письмоводитель семинарскаго правленія Руновъ; но онъ не могъ одинъ справиться съ оффиціальною перепискою, такъ какъ кромѣ другихъ бумагъ, нужно было для каждаго переведеннаго въ семинарію ученика написать свидѣтельство. Поэтому и назначенъ былъ ему въ помощь.

Кстати о письмоводствѣ. Выше было уже говорено, что я у смотрителя Василія Яковлевича года два или три исправлялъ должность письмоводителя. При этомъ онъ не разъ мнѣ говаривалъ: „вотъ, Тихомировъ, смотри, учись

какъ надобно писать оффиціальныя бумаги; со временемъ, 1834 г. можетъ быть, и ты будешь смотрителемъ училища“. Это предсказаніе добраго и благорасположеннаго ко мнѣ о. смотрителя, который впрочемъ, какъ имѣвшій ученую академическую степень, подписывался исправляющимъ должность ректора училища, — впоследствии, какъ увидимъ, исполнилось надо мною и даже съ избыткомъ.

Итакъ, съ Божіею помощію, я благополучно совершилъ семилѣтнее поприще начальнаго ученія. За тѣмъ мнѣ предстояло вступить на путь высшаго семинарскаго образованія.

Вакацію проводилъ я частію на родинѣ, частію въ другихъ мѣстахъ, какъ-то, въ селахъ — Кохмѣ и Хотимлѣ. Какъ ни весело было отдыхать послѣ семилѣтнихъ трудовъ; но тѣмъ не менѣе я былъ сильно озабоченъ мыслию о томъ, что ожидало меня впереди. Какіе труды, какія занятія предстояли мнѣ въ семинаріи, я не имѣлъ о томъ яснаго представленія. Къ счастью моему, во время вакаціи гостилъ на Пустынькѣ у моего двоюроднаго дѣдушки, о. Козьмы, его родной внукъ, Николай Алексѣичъ (фамилію его забылъ)—ученикъ Костромской семинаріи, переведенный изъ низшаго отдѣленія въ среднее. Прогуливаясь съ нимъ по полю, я полюбозытствовалъ спросить его, чѣмъ онъ занимался въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Главнымъ занятіемъ нашимъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, — „были сочиненія“. Что такое сочиненія, какъ это сочиняютъ, — спросилъ я опять?— „А вотъ какъ, отвѣчалъ онъ: дадутъ намъ тему—два, три слова, а мы напишемъ изъ нихъ нѣсколько страницъ“. Я рѣшительно не могъ понять, какъ это изъ двухъ-трехъ словъ можетъ выйти нѣсколько страницъ. Такъ слабо развиты были наши понятія, такъ мало мы были приготовлены къ семинаріи!...

Въ Кохмѣ я встрѣтился съ помянутымъ выше священническимъ сыномъ Александромъ Николаевичемъ Соколовымъ, который также перешелъ въ среднее отдѣленіе семинаріи. И къ нему обратился съ такимъ же вопросомъ и просилъ его совѣтовъ и наставленій касательно предстоящимъ мнѣ занятій. Онъ посовѣтывалъ мнѣ читать, какъ можно, больше книгъ, и тутъ же вручилъ мнѣ, для чтенія, случившуюся у него книжку: „новѣсть о Францѣ Вепціанѣ“.

Во второй половинѣ августа, двоюродный братъ мой,

1834 г. Иванъ Петровичъ Тихомировъ, окончившій курсъ семинаріи въ 1832 году съ званіемъ студента, опредѣленъ былъ къ Хотимльской церкви діакономъ на мѣсто своего зятя Н. Н. Успенскаго, который при той же церкви получилъ священническое мѣсто. Онъ женился на дочери священника Пльискаго погоста, близъ Шуи, о. Михаила Соловьева, Аннѣ Михайловнѣ. Бракъ совершенъ былъ въ послѣднихъ числахъ августа въ церкви Ильинскаго погоста ¹⁾. Я былъ участникомъ брачнаго пирушества, происходившаго въ небольшомъ каменномъ домикѣ о. Михаила. Здѣсь я познакомился съ младшимъ изъ сыновей его Николаемъ Михайловичемъ, который перешелъ въ высшее отдѣленіе семинаріи; старшіе его братья Михаилъ и Алексѣй (впослѣдствіи Агаѳангель) не присутствовали на бракѣ; они были въ академіи, въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

Здѣсь не могу я не остановиться на примѣчательной личности родителя невѣсты, о. Михаила Николаевича Соловьева.

Михаилъ Николаевичъ родился 1-го ноября 1777 года въ погостѣ Іоакиманскомъ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Шуи. Родитель его Николай Никифоровичъ былъ діакономъ въ этомъ погостѣ. Мать его Анастасія Алексѣевна была весьма набожна и благочестива. Каждый годъ ходила она на богомолье съ юнымъ Михаиломъ въ сосѣдній погостъ Ильинскій (Телешево тожъ), и здѣсь, сяди съ нимъ на берегу р. Тезы и любясь красивымъ мѣстоположеніемъ погоста, говаривала сыну: „Миша, какъ здѣсь хорошо! О еслибы ты въ этомъ селѣ былъ священникомъ!“.

Въ 1788 году Михаилъ поступилъ въ Суздальскую семинарію. При отличныхъ дарованіяхъ, онъ подавалъ о себѣ родителямъ добрую надежду. Но Богу угодно было преждевременно прескратить его учебное поприще. Скончался его отецъ, и онъ, по настоянію матери-вдовы, долженъ былъ выйти изъ риторическаго класса семинаріи, чтобы занять мѣсто родителя, для поддержанія осиротѣлаго семейства. Получивъ санъ діакона 12-го іюля 1793 года, онъ съ усердіемъ исполнялъ свои обязанности въ церкви и приходѣ. а

¹⁾ Лѣтопись объ Ильинской церкви пог. Ильинскаго-Телешева напечатана во *Влад. Евр. Вѣд.* 1881 г. N № 10 и слѣд.

дома часто предавался уединенной молитвѣ. Хотѣлъ бы онъ, 1834 1 по возбужденной въ немъ любознательности, продолжать свое образованіе посредствомъ чтенія книгъ; но въ его домѣ, по смерти родителя, оказалось только двѣ книги: Часовникъ и Псалтирь. Къ счастью своему, онъ нашелъ въ домѣ прихожанина Іоакиманской церкви, помѣщика Каблукова, самую лучшую изъ книгъ—Библію. Съ пламеннымъ усердіемъ онъ началъ читать ее, оставляя въ сторонѣ домашнія занятія. Но поелику въ писаніяхъ, особенно пророческихъ, онъ встрѣчалъ нѣкоторыя, неудобопонятныя для него мѣста, то старался доставать, между прочимъ и покупкою, отеческія творенія, заключающія въ себѣ толкованія на священное Писаніе. Сосѣдніе помѣщики, слыша о такой любознательности діакона, столь рѣдкой между духовенствомъ того времени, съ любопытствомъ входили съ нимъ въ бесѣду и удивлялись его здравымъ сужденіямъ и обширной начитанности. Въ апрѣлѣ 1799 года діаконъ Соловьевъ, по желанію прихожанъ, былъ рукоположенъ во священника къ церкви Ильинскаго погоста—къ той самой церкви, при которой желала ему быть его благочестивая мать.

Здѣсь о. Михаилъ еще съ большею ревностію сталъ продолжать свое самообразованіе. Уволенный отъ должности, за лишеніемъ зрѣнія, учитель риторики и всеобщей исторіи въ Суздальской семинаріи Д. Р. Тихомировъ, поселился въ погостѣ Ильинскомъ. О. Михаилъ не преминулъ воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ. Онъ сблизился съ слѣпцемъ-учителемъ и пожелалъ быть его ученикомъ; подъ его руководствомъ, онъ изучилъ риторику, всеобщую исторію и отчасти философію. По смерти своего руководителя, послѣдовавшей въ октябрѣ 1812 года, о. Михаилъ продолжалъ неутомимо читать книги, преимущественно духовно-нравственнаго содержанія, которыя онъ приобрѣталъ частію на церковныя деньги, а частію на свои собственные, скудныя средства.

Проводя честную и благочестивую жизнь, онъ имѣлъ весьма сильное и благотворное вліяніе на свою паству. Было въ его приходѣ нѣсколько душъ раскольниковъ: своими разумными бесѣдами и кроткимъ съ ними обращеніемъ онъ всѣхъ ихъ обратилъ къ Церкви.

У отца Михаила было семь человѣкъ дѣтей: три сына и

1834 г. четыре дочери. Онъ далъ всѣмъ имъ доброе христіанское воспитаніе. Изъ сыновей двое старшихъ—Михаилъ и Алексѣй (въ монашествѣ Агаѳангелъ) получили академическое образованіе, а младшій Николай окончилъ курсъ семинаріи съ званіемъ студента и занялъ родительское мѣсто. Дочери всѣ выданы были въ замужество: одна за священника, а прочія за діаконъ. Младшая дочь Анна Михайловна, выданная въ замужество за моего двоюроднаго брата, получила образованіе въ Арзамасской Алексіевской общинѣ и умѣла даже играть на гусяхъ.

О. Михаилъ, съ юныхъ лѣтъ пропитанный религіознымъ настроеніемъ, дважды путешествовалъ въ Кіевъ. для поклоненія тамошнимъ святымъ. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда съ семействомъ помянутаго выше помѣщика Кабукова въ маѣ - іюні 1822 года. Какъ человекъ въ высшей степени любознательный. онъ на все, что встрѣчалось ему на пути и въ самомъ Кіевѣ достопримѣчательнаго, обращалъ вниманіе и все записывалъ. Во второй разъ онъ путешествовалъ въ Кіевъ въ 1835 году послѣ того, какъ устроилъ послѣднюю свою дочь Анну. На этотъ разъ спутникомъ ему былъ сосѣдній помѣщикъ Н. А. Соколовъ. О. Михаилъ и во время этого путешествія велъ краткій дневникъ, который мнѣ довелось впоследствии переписывать, по порученію старшаго сына его Михаила Михайловича. Но изъ втораго путешествія своего онъ уже не возвратился домой. Прибывъ въ Кіевъ 26 мая, въ день св. Троицы, онъ въ ту же ночь сдѣлался боленъ лихорадкою и—чрезъ недѣлю его не стало. Онъ скончался въ Михайловскомъ монастырѣ, въ покояхъ своего земляка, пресвященнаго Владиміра (Алявина), викарія Кіевской митрополіи, который и совершилъ надъ нимъ чинъ погребенія. Вѣчная ему память ¹⁾!

Я зналъ покойнаго о. Михаила еще прежде, чѣмъ совершилось бракосочетаніе его дочери съ моимъ двоюроднымъ братомъ. Бывало, въ Шуѣ, во вторичный день онъ

¹⁾ Изложенныя мною здѣсь свѣдѣнія объ о. Михаилѣ заимствованы изъ его біографіи, составленной младшимъ сыномъ его, священникомъ Н. М. Соловьевымъ и напечатанной въ *Вашкигъ Епар. Видомостяхъ* 1865 г., по распоряженію преосв. Агаѳангела, бывшаго тогда епископомъ Вл-

идеть по базару въ своемъ суконномъ полукафтани (безъ 1834 г
рясы) кармазиннаго — краснаго цвѣта, и всѣ отдають ему
поклонъ, какъ челоуѣку, пользовавшемуся общимъ уваже-
ніемъ. При многочисленномъ семействѣ и при небольшомъ
приходѣ онъ не обладалъ богатыми средствами, и потому
соблюдалъ во всемъ крайнюю расчетливость. Когда его дѣти
обучались въ Шуйскомъ училищѣ, онъ придетъ, бывало,
къ нимъ на квартиру и дастъ на троихъ пять копѣекъ,
прямолычивши при этомъ: „Алеша, Миша, Николаша - вотъ
вамъ пять копѣекъ, да смотрите—не лакомьтесь“.

Но я слишкомъ уже уклонился отъ своего главнаго пред-
мета. Возвращусь назадъ.

Послѣ пиршества въ домѣ о. Михаила, родителя невѣсты,
мы отправились въ тотъ же день для продолженія брачнаго
пиршества, въ домъ родителей жениха, въ село Горицы,
отстоящее отъ Ильинскаго погоста верстахъ въ 20-ти. Меня
отправили на особой подводѣ, впередъ съ имуществомъ
невѣсты. Въ Горицахъ пиршество продолжалось дня два или
три. Семейная радость была неописанная; съ утра до ночи
гости пили, ѣли и веселились; не умолкало и пѣніе, осо-
бенно часто повторялось: *многая лѣта*, такъ что у меня,
въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ звучали эти слова въ
ушахъ.

И вотъ, прямо съ этого веселаго пиршества, я долженъ
былъ отправиться въ дальній путь—въ древній градъ Влади-
миръ, куда призывали меня новыя учебныя обязанности.
Меня повезъ туда на своемъ конѣ, въ простой русской
телѣгѣ, зять мой, Василій Александрычъ.

Путь нашъ ко Владиміру лежалъ чрезъ большое село
Лежнево, мимо Золотниковской пустыни, чрезъ городъ Су-
здаль и нѣкоторыя другія села.

Скажу нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ мѣстностей.

Село Лежнево, Ковровскаго уѣзда, расположено по обо-
имъ берегамъ р. Ухтомы и есть одно изъ древнѣйшихъ селеній.
Въ XVI ст. оно описано было за племянницею Ивана
Грознаго княжною Старицкою Марьею Владиміровною,
когда она была выдана за Датскаго принца Магнуса, кото-
раго Грозный наименовалъ „королемъ Ливонскимъ“. Эта
королева основала въ Лежневѣ Знаменско-Рождественскій
женскій монастырь; монастырь этотъ въ 1764 году упразд-

1834 г. нень и обращенъ въ приходскую церковь. При проѣздѣ моемъ чрезъ село Лежнево въ первый разъ, я увидѣлъ въ немъ четыре каменные церкви съ высокою (въ 33 сажени) колокольнею. По штату, при этомъ приходѣ состояло тогда четыре священника и соотвѣтствующее сему число прочихъ членовъ причта. Старшій священникъ (впослѣдствіи протоіерей и благочинный) Левъ Ив. Полисадовъ, по своему нравственному характеру, соотвѣтствовалъ своему имени: онъ отличался строгимъ образомъ жизни и владычественнымъ характеромъ. Предъ нимъ всѣ подчиненные трепетали, хотя онъ никому ничего худаго не сдѣлалъ. Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ подчиненныхъ ему диаконовъ: „Росту о. протоіерей (это было уже въ 1856 году) былъ выше средняго, сутуловатъ; не тученъ, но и не худощавъ былъ; брови сросшіяся, очень густыя, нависшія много на глаза; борода большая, волнистая; волосы короткіе на головѣ. — Всѣ съ большою похвалою отзывались объ его служеніи вообще, и объ его порядкахъ по храму въ особенности. Онъ требовалъ отъ диаконовъ не спѣшнаго произношенія прошеній на эктеніяхъ. Шестопсалміе всегда читалось посреди храма, а также и каѳизмы. Любилъ онъ столповое пѣніе, партесное же не очень уважалъ. По его распоряженію, дьячки и пономари безусловно покорялись диакону. Сказывапія проповѣдей почему-то онъ не уважалъ, не смотри на то, что самъ былъ мастеръ и писать и сказывать (онъ былъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи). Онъ говаривалъ: „служба церковная—лучшая проповѣдь“.

„Домашняя жизнь о. Полисадова мало кому была извѣстна: онъ жилъ воистину затворникомъ ¹⁾. Онъ велъ самую регулярную жизнь: въ 4 часа вставалъ, въ половинѣ 12-го обѣдалъ, въ 8 ужиналъ, а въ 9 ложился спать. Водки онъ не пилъ никогда; употреблялъ только по полрюмки сотерна: но къ старости, по совѣту знатоковъ, онъ употреблялъ предъ обѣдомъ и ужиномъ по мальенькой рюмкѣ коньяку. Боли зубовъ онъ не вѣрилъ, потому что они у

¹⁾ О Полисадовѣ съ молодыхъ лѣтъ овдовѣлъ и имѣлъ одну только дочь, которую выдалъ въ замужество за священника, по которой вскорѣ потомъ умерла.

него никогда не болѣли и сохранились до смерти, хотя онъ 1834 г. былъ большой охотникъ до орѣховъ“¹⁾.

Я разъ только видѣлъ о. Полисадова въ 1842 году, когда былъ уже священникомъ. Онъ былъ товарищемъ по семинаріи и другомъ моему тестю В. В. Царевскому, и когда я, проѣзжая чрезъ Лежнево на родину, посѣтилъ его, онъ принялъ меня весьма радушно и оставилъ у себя почевать.

Золотниковская пустынь расположена на берегу рѣчки Золотнички. Основана въ 1624 году. Въ ней въ 1663 году принялъ иночество св. Митрофанъ, впоследствии епископъ Воронежскій. Пустынь эта не отличалась въ послѣднее время особеннымъ благоустройствомъ, по причинѣ скудости средствъ, и ей предстояло, кажется, упрядненіе: но въ шестидесятихъ годахъ она поддержана и приведена въ приличный видъ тщаніемъ и усердіемъ богатаго купца села Иванова, Шодчина.

Суздаль—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русской земли, при рѣчкѣ Каменкѣ. Въ немъ основана была епископія въ 990 году св. великимъ княземъ Владиміромъ и первымъ епископомъ былъ Феодоръ, родомъ грекъ. Епископія Суздальская, въ теченіи осми вѣковъ, нѣсколько разъ закрывалась и возстановлялась. Въ послѣдній разъ она закрыта была въ 1789 году и болѣе уже не возстановлялась. Съ этого времени Суздаль, въ качествѣ уѣзднаго города, принадлежитъ къ Владимірской епархіи.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Суздаль, при народонаселеніи около 7-ми тысячъ душъ обоюго пола, было четыре монастыря—2 мужскихъ и 2 женскихъ и 25 церквей.

Въ Суздаль существуетъ болѣе 20-ти фабрикъ и заводовъ: по главную промышленность гражданъ составляетъ торговля вишнями, хмѣлемъ, огурцами, лукомъ и другими огородными овощами.

Проѣхавши отъ Суздаля чрезъ села Павловское, Борисовское и Красное, къ вечеру 1-го числа сентября мы пріѣхали во Владиміръ и остановились на постояломъ дворѣ.

Владиміръ на первый разъ поразилъ меня красотою

¹⁾ *Вост. Ев. Вѣд.* 1877 г. № 17.

1834 г. своего мѣстоположенія и множествомъ древнихъ храмовъ. Главная часть города (кремль) расположена на высокой и крутой горѣ надъ рѣкою Клязьмой. Видъ отсюда за рѣку чрезвычайно обширный, а изъ-за рѣки на городъ необыкновенно красивый, напоминающій древній Кіевъ.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ два монастыря — мужскій и женскій, два собора — кафедральный Успенскій и Димитріевскій, 17 приходскихъ церквей и 6 безприходныхъ, при городскомъ населеніи около тринадцати тысячъ душъ обо-го пола ¹⁾.

Скажу нѣсколько словъ о болѣе примѣчательныхъ храмахъ.

Мужскій Рождественскій монастырь основанъ въ 1191 году великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. До времени Іоанна Грознаго онъ считался первымъ въ спискѣ великороссійскихъ обителей. При возстановленіи епархіи во Владимірѣ въ 1744 году Рождественскій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ.

Соборная монастырская церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы сооружена упомянутымъ великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Въ ней 1263 года 23 ноября погребенъ былъ благовѣрный великій князь Владимірскій, Александръ Ярославичъ Невскій и его мощи почивали здѣсь до 1723 года, а въ этомъ году, по повелѣнію Петра 1-го, перенесены были въ С.-Петербургъ и положены во вновь устроенномъ тогда Свято-Троицкомъ монастырѣ (Александро—Невская Лавра).

Въ оградѣ Рождественскаго монастыря построень былъ около 1750 года архіерейскій домъ каменный двухъ-этажный, преосвященнымъ Платономъ Петрункевичемъ († 1757 года). Тѣмъ же преосвященнымъ построень былъ другой двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ помѣщалась часть открытой имъ въ 1750 году семинаріи. Впоследствии этотъ корпусъ занятъ былъ $\frac{2}{3}$ начальствующими лицами и монашествующими наставниками семинаріи, а также семинарскимъ правленіемъ съ бібліотекою; семинарія же вся помѣщена была въ упраздненномъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ архіерейскаго дома.

Женскій Успенскій (второклассный) монастырь основанъ

¹⁾ Въ 1884 г. было уже 18000 душъ.

тѣмъ же великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, по 1834
желанію его благочестивой супруги Маріи, въ іюлѣ 1200
года. Здѣсь почиваютъ мощи св. мученика Аврамія,
убіеннаго въ 1229 году въ Болгаріи, куда онъ отправился
по торговымъ дѣламъ.

Каѳедральный Успенскій соборъ. Онъ сооруженъ весь
изъ бѣлаго камня въ 1158—1160 году св. великимъ кня-
земъ Андреемъ Боголюбскимъ. Украшенія сего храма и
драгоценныя утвари составляли, по свидѣтельству лѣтопи-
сей, предметъ удивленія не только для русскихъ, но и для
иностранцевъ. Но въ послѣдующіе вѣка, знаменитый храмъ
этотъ, отъ разныхъ обстоятельствъ, частію отъ пожаровъ,
а болѣе всего отъ нашествія татаръ, лишился своихъ бо-
гатыхъ украшеній, такъ что въ 1768 году Императрица
Екатерина II, въ проѣздѣ своей чрезъ Владиміръ, посѣтивъ
соборный храмъ и замѣтивъ ветхость и упадокъ древней
святыни, повелѣла отпустить на поправки 14 тысячъ руб-
лей. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 2-го іюня 1768 года
на имя епископа Владимірскаго Павла († 1769 года) реко-
мендовалось „древность соборнаго храма сохранить и под-
держатъ наилучшимъ образомъ“; но преемникъ Павла, пре-
освященный Іеронимъ не исполнилъ вѣрности царской
воли. Въ соборномъ храмѣ, не смотря на разные перево-
роты, сохранились до этого времени въ иконостасѣ древнія
иконы весьма искуснаго письма. По распоряженію преосвя-
щеннаго Іеронима, иконы эти были проданы въ село Ва-
силевское, Шуйскаго уѣзда, гдѣ онѣ, реставрированныя
въ 1856 году извѣстнымъ московскимъ художникомъ Под-
клюшниковымъ, составляютъ великое украшеніе главнаго
Троицкаго храма. вмѣсто древнихъ иконъ написаны новыя,
въ новомъ италіанскомъ стилѣ; равно какъ и иконостасъ,
украшенный по зеленому фону позолоченою рѣзьбою и
колоннами всѣхъ орденовъ, при всей величественности
своей, не соотвѣтствуетъ характеру древней архитектуры
храма. Въ 1882—84 годахъ открыты были подъ позднѣй-
шею штукатуркою древнія фрески XII столѣтія на стѣнахъ
и сводахъ знаменитаго храма ¹⁾).

¹⁾ См. *Вост. Евр. Вѣст.* 1884 г., №№ 4, 16 и 22.

1834 г. Достоичтимую святыню Успенскаго собора составляютъ:

1) Владимірская икона Божіей Матери. Икона эта одинаковой мѣры съ подлинною, находящеюся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, написана св. Петромъ, митрополитомъ Московскимъ, когда онъ былъ настоятелемъ въ Ратскомъ монастырѣ (Волынской епархіи).

2) Нелѣныя мощи св. благовѣрныхъ князей: Георгія Всеволодовича († 1238 г.), Андрея Юрьевича Боголюбскаго († 1175 г.) и Глѣба Андреевича († 1175 года).

Къ достопамятностямъ соборнаго храма относится картина, на коей изображено крещеніе Кіевлянъ при свят. великомъ князѣ Владимірѣ, на полотнѣ въ длину 7 аршинъ, въ ширину $4\frac{1}{2}$. Написана въ 1813 году итальянцемъ Тончи, на память исцѣленія его во Владимірѣ отъ тяжелой болѣзни, приключившейся ему въ 1812 году во время бѣгства изъ Москвы отъ французовъ⁴⁾.

Димитріевскій соборъ построенъ около 1193—1197 г. великимъ княземъ Всеволодомъ Георгиевичемъ III (во святомъ крещеніи Димитріемъ). Соборъ этотъ весь сложенъ изъ бѣлаго камня безъ желѣзныхъ связей и имѣетъ видъ четвероугольный. На вѣшнихъ сторонахъ храма изсѣчены изъ бѣлаго же камня фигуры человѣческія, а также разныхъ птицъ, звѣрей, растений и проч.

Существуетъ подробное описаніе этого замѣчательнаго собора съ рисунками, въ листъ, изданное въ 1849 году, въ Москвѣ, графомъ С. Г. Строгановымъ (№ 916).

Изъ приходскихъ Владимірскихъ церквей замѣчательны слѣдующія:

Георгиевская, построенная въ 1152 году великимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ въ честь своего ангела. При ней съ 1153 года былъ женскій монастырь, впоследствии, неизвѣстно когда, упраздненный.

Ризположенская, на Золотыхъ воротахъ. Церковь эта построена была въ одно время съ Золотыми воротами, въ 1164 году, великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. По отъ того времени какъ въ храмѣ, такъ и въ самыхъ воротахъ не много осталось древняго, кромѣ наименованія во-

⁴⁾ См. объ этомъ разсказъ графа Ростопчина въ *Русс. Архивъ* 1886 г., ч. II, стр. 397.

ротъ Золотыми. Владимірскія Золотыя ворота устроены, 1834 г. безъ сомнѣнія, по образцу Кіевскихъ, такъ же какъ эти послѣдніе по образцу Цареградскихъ, сооруженныхъ императоромъ Θεодосіемъ Великимъ.

Спасопреображенская церковь построена въ одномъ году съ Ризположенскою и тѣмъ же великимъ княземъ Боголюбскимъ. При этой церкви былъ мужскій монастырь, называвшійся Спасскимъ - Златовратскимъ; упраздненъ въ 1764 году.

Богородицкая, во имя Успенія Пресв. Богородицы. Сооружена въ 1649 году. При ней былъ дѣвичій монастырь, упраздненный въ 1750 году. Монастырскія зданія употреблены были для номѣщенія низшихъ классовъ вновь открытой тогда епископомъ Платономъ Петрунькевичемъ, какъ выше было сказано, семинаріи. Впослѣдствіи, на обширномъ монастырскомъ дворѣ, построенъ былъ, въ 1808 году, стараніемъ преосвященнаго Ксенофонта, каменный двухъ-этажный корпусъ, куда переведены были изъ Рождественскаго монастыря высшіе классы семинаріи. Здѣсь-то и мнѣ суждено было проходить поприще семинарскаго ученія.

Послѣ указанія достопримѣчательныхъ храмовъ енархіального города Владиміра, сообщу краткія свѣдѣнія о незабвенномъ для меня архипастырѣ, преосвященнѣйшемъ Пароеніѣ, архіепископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ ¹⁾.

Преосвященный Пароеній (въ мѣрѣ Павелъ Васильевичъ Чертковъ), сынъ діакона Московской Іоанно-Предтечовской, что на Лубянкѣ, церкви, родился 10 августа 1782 году слѣдовательно 4 ¹/₂ мѣсяцами ранѣе въ Бозѣ почившаго Московскаго митрополита Филарета). По окончаніи въ 1803 году ученія въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, онъ здѣсь же оставленъ былъ на должности учителя низшаго грамматическаго класса; затѣмъ переведенъ былъ на должность учителя поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ катихизаторомъ; въ сентябрѣ 1808 года перемѣщенъ на должность учителя высшаго краснорѣчія и всеобщей исторіи. Въ 1810 году принялъ монашество. Въ слѣдующемъ году онъ утвержденъ былъ въ должности префекта и учи-

¹⁾ Во *Влад. Еп. Взд.* 1881 г. № 11 и сл. напечатанъ біограф. очеркъ архіепископа Пароенія.

1834 г. теля философіи, а вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1814 году назначенъ былъ ректоромъ Спасо-Виоанской семинаріи, а въ 1817 году переведенъ на ту же должность въ Московскую семинарію, съ назначеніемъ въ настоятеля ставропигіального Заиконоспасскаго монастыря. Отсюда въ іюнѣ 1819 году перемѣщенъ былъ въ первоклассный ставропигіальный Донской монастырь и опредѣленъ членомъ Московской св. Синода конторы.

Въ бытность свою настоятелемъ Донскаго монастыря, Пароеній познакомился съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ, который предъ тѣмъ былъ губернаторомъ во Владимірѣ. Вотъ что пишетъ о Пароеніи князь Долгоруковъ въ своемъ сочиненіи: „Калище моего сердца“ (М. 1872 г., стр. 313): „архимандритъ Донскаго монастыря (Пароеній) умный и чувствительнѣйшій человекъ. И его началъ знать еще простымъ монахомъ; проповѣди его наполнены душевнаго витійства“.

Не долго однакожь суждено было архимандриту Пароенію оставаться въ Донскомъ монастырѣ. Сначала предполагали назначить его на Тамбовскую епархію: но это назначеніе было отклонено присутствовавшимъ въ Синодѣ преосвящ. Симеономъ, архіепископомъ Тверскимъ, который желалъ побережь его здоровье. Но въ іюлѣ 1821 года послѣдовало назначеніе архимандрита Пароенія на Владимірскую кафедру на мѣсто преосвященнаго Ксенофонта, переведеннаго въ Каменецъ—Подольскъ. 21-го августа совершена была его хиротонія во епископа въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ сверстникомъ его по лѣтамъ, новымъ архіепископомъ Московскимъ Филаретомъ съ тремя другими, пребывавшими въ Москвѣ. архіепископами и однимъ епископомъ. Была ли при этомъ произнесена первенствующимъ рукоположителемъ рѣчь, неизвѣстно.

По прибытіи во Владиміръ, преосвященный Пароеній нашелъ ввѣренную ему епархію во всѣхъ отношеніяхъ крайне разстроеною, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ 4 мая 1843 года оберъ-прокурору св. Синода графу П. А. Протасову. Архіерейскій домъ былъ въ крайне неустроенномъ состояніи—безъ доходовъ и безъ имуществъ. Внутреннее устройство епархіи требовало еще большихъ попеченій.

Мнѣ было пять или шесть лѣтъ, когда я въ первый разъ

увидѣлъ преосвященнаго Пароенія въ своей Горицкой церкви, при поѣздкѣ его по епархіи. Какъ теперь помню, онъ былъ въ шелковой рясѣ пенельнаго цвѣта, съ небольшою круглою панагіей. Наши села-Дунилово и Горицы преосвященный называлъ „семибратовщиной“ по причинѣ не малаго числа раскольниковъ разныхъ сектъ.

1832 года 24 іюля, въ день свят. мучениковъ Бориса и Глѣба, я въ первый разъ видѣлъ архіерейское служеніе въ Шуйской Крестовоздвиженской церкви и былъ пораженъ величіемъ этого служенія, тѣмъ болѣе, что преосвященный Пароеній въ служеніи былъ весьма благоговѣнь, хотя наружный видъ его и не отличался особенною сановитостію.

25 декабря 1833 года преосвященный Пароеній былъ возведенъ въ санъ архіепископа. По этому случаю былъ совершенъ во всѣхъ церквахъ епархіи благодарственный молебенъ. Для меня этотъ случай очень памятенъ. потому что я былъ уже въ это время пѣвчимъ въ Киселевскомъ хорѣ.

Изъ переписки ¹⁾ преосвященнаго Пароенія съ покойнымъ митрополитомъ Новгородскимъ Серафимомъ, начавшейся съ декабря 1821 года и продолжавшейся до 1842 года, видно, что онъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, страдалъ многоразличными, тяжкими недугами, требовавшими постоянного врачеванія. Оттого онъ не всегда, въ воскресные и праздничные дни, могъ совершать богослуженіе; и если служилъ, то въ своей, очень небольшой домовоѣ церкви, куда для насъ—школьниковъ доступъ былъ весьма затруднителенъ. Поэтому я, въ продолженіи семинарскаго курса, очень рѣдко видѣлъ архіерейское служеніе. Обрядовъ же въ недѣлю православія и въ великій четвертокъ, при преосвященномъ Пароеніи, во Владимірѣ никогда не совершалось.

Въ слѣдъ за симъ, прежде чѣмъ начну повѣсть о моемъ ученіи въ семинаріи, сообщу краткія свѣдѣнія о начальствующихъ лицахъ семинаріи—ректорѣ и инспекторѣ.

Ректоромъ, при моемъ поступленіи въ семинарію, былъ архимандритъ Иеофитъ (въ мѣрѣ Николай Соснинъ). Поступивъ въ 1816 году изъ студентовъ Ярославской семинаріи въ Московскую дух. академію, Соснинъ окончилъ курсъ

¹⁾ Переписка эта напечатана въ *Владим. Епарх. Вѣд.* 1878—79 г.

1834 г. въ 1820 году со степенью кандидата. Въ 1822 году принялъ священство и вскорѣ затѣмъ овдовѣвши, постриженъ былъ въ монашество въ 1825 году. Въ 1826 году назначенъ былъ ректоромъ въ Архангельскую семинарію, а оттуда въ 1830 году переведенъ былъ во Владимірскую семинарію на мѣсто архимандрита Павла. По наружному виду, Неофитъ представлялъ совершенную почти противоположность Павлу. Тогда какъ этотъ послѣдній былъ высокаго роста, очень полный и красивый собою, первый, т. е. Неофитъ, небольшого роста, худощавый, нѣсколько рябоватый, съ длиннымъ острымъ носомъ.. По относительно внутреннимъ достоинствамъ и административнымъ качествамъ Неофитъ едва ли не былъ выше Павла. Вотъ какъ изображаетъ отца Неофита одинъ изъ его учениковъ, протоіерей Сила Архангельскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о Владимірской семинаріи ¹⁾: „Рѣчь наставника (о. Неофита) была тихая, медленная, основательная и ясная... Всегда ровный, ласковый, скромный даже въ замѣчаніяхъ и выговорахъ, Неофитъ съ каждымъ днемъ привязывалъ насъ къ себѣ.... Онъ любилъ въ проповѣди краснорѣчіе, патетизмъ, и самъ былъ хорошею мастеръ говорить. Для поощренія учениковъ всѣхъ отдѣленій семинаріи къ лучшимъ сочиненіямъ, онъ установилъ, такъ называемыя, собранія... Съ ректорствомъ Неофита многое дурное, усвоенное до него, брошено: нощиха исчезла, кулачный бой прекращенъ.... Икакъ было рекреаций; по за то сумма, расходуемая экономомъ на угощеніе начальства, шла на болѣе полезное употребленіе“.... Таковъ былъ о. Неофитъ до 1832 года, когда авторъ „Воспоминаній“ окончилъ курсъ семинаріи. Въ послѣдующее за тѣмъ время взглядъ на Неофита, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ, измѣнился, такъ что, когда онъ въ концѣ 1836 года оставлялъ Владиміръ и отправлялся въ Петербургъ для посвященія въ епископа Старинскаго, викарія Тверской епархіи, на него сочинена была однимъ изъ его учениковъ довольно злая эпиграмма.

Инспекторомъ семинаріи былъ помянутый мною выше ревизоръ Шуйскаго училища іеромонахъ Израиль, до монашества Яковъ Ивановичъ Лукинъ, родомъ изъ Орловской

¹⁾ „Воспоминанія“ эти напечатаны въ *Вид. Ев. Вост.* 1875. №№ 10—14.

спархіи. По окончаніи курса въ Кіевской дух. академіи, въ 1834 г 1825 году, вторымъ магистромъ, онъ былъ профессоромъ въ Бѣлгородской семинаріи (Курской епархіи) и тамъ въ 1831 году принялъ монашество. Въ началѣ 1834 года назначенъ былъ на должность инспектора во Владимірскую семинарію. Преосвященный Пароеній въ письмѣ къ Новгородскому митрополиту Серафиму отъ 15-го апрѣля 1834 года писалъ: „явился къ должности изъ Курска инспекторъ на мѣсто инспектора (Агапита), взятаго въ Виоанскую семинарію. Онъ новый, кажется, хорошъ; а тотъ рабъ Божій—воистину Израильтянинъ; младенецъ по чувствамъ, въ новой духовной жизни“. Инспекторъ Израиль былъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ богословскихъ наукъ во второмъ, вновь открытомъ, отдѣленіи богословскаго класса. При своихъ отличныхъ дарованіяхъ и счастливомъ дарѣ слова, онъ естественно затмилъ ректора и привлекъ къ себѣ вниманіе и расположеніе учениковъ. Къ сожалѣнію, онъ не долго оставался въ Владимірской семинаріи: въ 1835 году его назначили ректоромъ въ Калужскую семинарію.

Справедливость требуетъ упомянуть здѣсь о предшественникѣ о. Израйля по инспекторской должности — о. архимандритѣ Агапитѣ, котораго преосвящ. Пароеній, какъ мы видѣли, называлъ рабомъ Божиимъ — истиннымъ Израильтяниномъ. О. Агапитъ (Введенскій) магистръ VI курса Московской дух. академіи, оставилъ по себѣ добрую память во Владимірской семинаріи, какъ исправный и свѣдущій преподаватель философскихъ наукъ, хотя и не отличавшійся краснорѣчивымъ словомъ, какъ ревностный и неусыпный блюститель за нравственностію и благоповеденіемъ учениковъ, и въ особенности какъ непочетный отецъ о бѣдныхъ и сирыхъ ученикахъ. По его именно инициативѣ, не задолго до моего поступленія въ семинарію, угрошено было для сиротъ и вообще бѣдныхъ учениковъ общежитіе—(бурса). Управляя богатымъ Боголюбовскимъ монастыремъ, онъ пожертвовалъ на это благодѣтельное учрежденіе, какъ отъ монастыря, такъ и изъ своихъ собственныхъ средствъ, значительную сумму. Вообще, отличительную черту нравственнаго характера о. Агапита всегда составляло безкорыстіе и расположеніе къ христіанской благотворительности.

По приѣздѣ во Владиміръ, я тотчасъ же подалъ въ семи-

1834 г. нарское правленіе прошеніе о принятіи меня, какъ круглаго сироты, въ бурсу на полное казенное содержаніе; но пока разсматривалась моя просьба на ряду съ множествомъ другихъ подобныхъ просьбъ, я долженъ былъ жить на квартирѣ. Не помню, почему, но, вѣроятно, по приглашенію помянутаго мною выше сына о. Михаила Соловьева, Николая Михайловича. съ которымъ я познакомился на свадьбѣ его сестры, я поселился на одной съ нимъ квартирѣ, въ домѣ священника Сергіевской церкви, о. Іоанна Тумскаго.

О. Тумскій имѣлъ академическое образованіе; онъ окончилъ курсъ въ 1822 году въ Московской дух. академіи съ степенью кандидата и былъ нѣсколько лѣтъ наставникомъ въ Архангельской семинаріи вмѣстѣ съ архимандритомъ Неофитомъ, который, какъ выше было сказано, былъ тамъ ректоромъ и оттуда переведенъ во Владиміръ. Близкія отношенія, начавшіяся между о. Неофитомъ и Тумскимъ въ Архангельскѣ, продолжались и во Владимірѣ. Отецъ Неофитъ время отъ времени посѣщаль о. Тумскаго.

У Тумскаго былъ братъ двумя курсами старше его по академіи, Александръ, въ монашествѣ Амфилохій, извѣстный своею печальною судьбою. По окончаніи въ 1818 году курса въ Московской дух. академіи съ степенью кандидата, онъ оставленъ былъ при академіи бакалавромъ сврейскаго и греческаго языковъ. Въ сентябрѣ 1822 года былъ переведенъ въ Кострому на должность инспектора семинаріи; затѣмъ въ той же семинаріи былъ ректоромъ. По здѣсь случилось съ нимъ тяжкое искушеніе. Всегда отличавшійся скромностію и цѣломудріемъ, онъ впалъ въ плотскій грѣхъ (имѣлъ у себя, какъ называли, дѣвицу въ образѣ келейника), и вслѣдствіе сего не только удаленъ отъ должности, но и заключенъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Отсюда на нѣкоторое время онъ переведенъ былъ въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ я видѣлъ его въ 1848 или 1849 году; но затѣмъ снова возвращенъ въ Суздаль, гдѣ и скончался. Во *Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1876 годъ (№ 1) помѣщены два письма къ о. Амфилохію отъ двухъ его сверстниковъ по образованію въ академіи и семинаріи; одно отъ 4 іюля 1829 года писанное профессоромъ Московской духовной академіи, священникомъ Ѳ. А. Голубинскимъ, а другое отъ 21 іюля

1839 года, писанное инспекторомъ Владимірскаго дух. училища, священникомъ Гр. М. Чижовымъ. Въ томъ и другомъ письмѣ выражается искреннее сочувствіе къ горькому положенію несчастнаго о. Амфилохія.

Когда собрались переведенные изъ училищъ въ семинарію ученики, начались пріемные экзамены: но мы, ученики Шуйскаго училища, какъ уже истязанные ревизоромъ, были свободны отъ новаго испытанія. По окончаніи пріемныхъ экзаменовъ, насъ распредѣлили по тремъ отдѣленіямъ. Наше Шуйское училище, почти въ полномъ составѣ учениковъ, назначено было во 2-е отдѣленіе риторическаго класса. Изъ поступившихъ со мною въ семинарію учениковъ Шуйскаго училища въ моей памяти сохраняются слѣдующія имена и фамиліи: Константинъ Пальминъ, Сергѣй Красовскій, Василій Былинскій, Авимъ Доброхотовъ и проч...

Преподавателями въ нашемъ отдѣленіи были: Яковъ Ильичъ Владыкинъ — по классу риторики, Гр Евфим. Вознесенскій—всеобщей и русской исторіи, Павелъ Абрам. Прудентовъ—греческаго языка; французскій языкъ, на который я записался, преподавать намъ лекторъ — ученикъ богословія, подъ руководствомъ профессора Н. Прок. Левитскаго.

Я. И. Владыкинъ былъ мой землякъ; его родина въ томъ же Шуйскомъ уѣздѣ, гдѣ и моя. Поэтому, когда онъ въ первый разъ пришелъ къ намъ въ классъ, онъ прежде всего спросилъ, гдѣ ученики Шуйскаго училища и кто первый ученикъ. Я всталъ. Онъ велѣлъ мнѣ прочитать и перевести § 1 латинской риторики Бургія. Я прочиталъ и перевелъ слова: „*Omnis eloquentiae imum fundamentum est periodus, et caetera*“... И съ этого началось мое изученіе перваго предмета семинарской мудрости. Изученіе риторики происходило у насъ частію по печатному латинскому учебнику Бургія, подъ заглавіемъ *Elementa Oratoria et caet.*, частію по занискамъ наставника. По мѣрѣ изученія риторическихъ правилъ, насъ стали упражнять въ сочиненіяхъ. Послѣ упражненія въ подборѣ синонимовъ и эпитетовъ, намъ дано было, наконецъ, для составленія простаго періода, предложеніе: „Богъ всемогущъ и правосуденъ“.—Это поставило меня въ такое затрудненіе, что я не зналъ, что дѣлать. Къ счастью, въ это время пріѣхалъ

1834 г. во Владимірѣ, для посвященія въ діакона, мой двоюродный братъ И. П. Тихомировъ и остановился на нашей квартирѣ. Я обратился къ нему съ слезною просьбою, чтобы онъ научилъ меня сочинить простой періодъ. Но онъ поступилъ гораздо проще: самъ написалъ на данное предложеніе періодъ и далъ мнѣ переписать. Вотъ какое было печальное начало моего авторства. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ больше и больше я старался углубляться въ риторическую мудрость и мало по малу началъ самостоятельно составлять всякаго рода періоды, а за тѣмъ и хриі.

Всеобщая исторія преподавалась намъ очень неудовлетворительно. Наставникъ Г. Е. Вознесенскій не отличался особеннымъ даромъ слова и не имѣлъ подъ руками достаточныхъ пособій для основательнаго изученія преподаваемаго имъ предмета. Единственными пособиями для него служили — старинный переводъ съ французскаго Всеобщей исторіи аббата Милога ¹⁾ и Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи П. Кайданова ²⁾. Учебною же книгою для насъ служила Краткая всеобщая исторія Г. Шрекка ³⁾. Что касается до Русской гражданской исторіи, то мы ее проходили по какой-то очень маленькой книжкѣ, да и той не успѣли пройти до конца.

На изученіе греческаго и французскаго языковъ не обращалось почти никакого вниманія.

Къ концу курса намъ преподаваны были правила поэзіи или стихотворчества, и насъ заставляли самихъ писать стихи. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей писали, и очень изрядные, рیمованные стихи. Я не имѣлъ этого дара. Мнѣ удалось написать только два стихотворенія, и притомъ, такъ называемыми, бѣлыми стихами, т. е. безъ рیمъ. Одно стихотвореніе, помню, было написано на тему: „Потопъ“. За то во мнѣ возбуждена была сильная охота къ чтенію и заучиванію наизусть стихотворныхъ произведеній извѣстныхъ тогда русскихъ поэтовъ, какъ-то: Державина, Жуковскаго, Баратынскаго, Пушкина, Рылѣва,

¹⁾ Исторія аббата Милога не разъ была издаваема въ Россіи: см. *Роспись книгамъ бібліотеки А. Смирдина*. СПб. 1828 г. №№ 3008—3011.

²⁾ Тамъ же, № 3012.

³⁾ Тамъ же, №№ 3013—3015.